

ГЕРМАН ГЕССЕ

ГЕРТРУДА

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
Г43

Серия «Эксклюзивная классика»

Hermann Hesse

GERTRUD

Hermann Hesse, Sämtliche Werke. Band 2: Die Romane.
Herausgegeben von Volker Michels

Перевод с немецкого *С. Шлапоберской*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Дизайн обложки *А. Чаругиной*

Печатается с разрешения издательства
Suhrkamp Verlag GmbH & Co. KG.

Гессе, Герман.

Г43 Гертруда : [роман] / Герман Гессе ; [пер. с нем. С. Шлапоберской]. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 288 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-109742-4

Роман «Гертруда» (1910) относится к раннему периоду творчества Германа Гессе. История, которую неоднократно называли художественным воплощением мотивов «Рождения трагедии» Ницше, посвящена драме молодого композитора, вынужденного выбирать между «разумным» и «стихийным» началом в творчестве. Реальные детали жизни Гессе и характерные для него самого черты, «подаренные» различным персонажам, придают книге особый, глубинный смысл.

Что такое искусство? Самоотречение — или духовная вседозволенность? Почему человек искусства обречен на вечное одиночество? Каждый из героев романа Гессе отвечает на эти вопросы по-своему...

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

© Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main, 2001

© Перевод, С. Шлапоберская,
наследники, 2018

© Издание на русском языке

ISBN 978-5-17-109742-4 AST Publishers, 2021

Глава 1

Когда я словно бы вчуже оглядываю свою жизнь, она мне видится не очень-то счастливой. Но еще меньше причин у меня считать ее несчастливой, несмотря на все мои заблуждения. Да и глупо, в конце концов, так спрашивать — счастье или несчастье, ибо мне кажется, что самые несчастливые дни моей жизни я не отдал бы и за сплошь безоблачные. Если для человека в жизни важнее всего осознанно принять неотвратимое, в полной мере изведать добро и зло и наряду с внешней судьбой завоевать для себя судьбу внутреннюю, более сущностную, не случайную, то, значит, моя жизнь не была ни бедной, ни плохой. Пусть внешний рок свершился надо мной, как надо всеми, неотвратимо, по велению богов, зато моя внутренняя судьба была все-таки моим собственным творением, ее сладость или горечь зависели от меня, и я должен взять на себя всю ответственность за нее.

В ранней юности я иногда мечтал стать писателем. Исполнилась эта мечта, я не устоял

бы против искушения отследить свою жизнь вплоть до прозрачайших теней детства и милых, бережно хранимых истоков самых ранних воспоминаний. А так все это достояние для меня слишком дорого и свято, чтобы я сам принялся его ворошить. О моем детстве можно сказать только одно: оно было светлым и радостным, мне дали волю самому открывать в себе задатки и дарования, самому творить для себя сердечные радости и горести и рассматривать будущее не как ниспосланное неведомой силой свыше, а как надежду и результат собственных усилий. Так я без приключений отучился в школах, как нелюбимый и мало одаренный, но зато спокойный ученик, которого в конце концов перестали трогать, поскольку он явно не поддавался никаким влияниям.

Приблизительно с шести-семилетнего возраста я понял, что изо всех невидимых сил одной только музыке дано по-настоящему захватывать меня и властвовать надо мною. С тех пор у меня появился собственный мир, мое прибежище и мой рай, которого никто не мог ни отнять у меня, ни умалить и которого я ни с кем делить не желал. Я был музыкантом, хотя до двенадцати лет не учился играть ни на одном инструменте и не помышлял впоследствии зарабатывать себе на хлеб музыкой.

Так оно с тех пор и осталось, без каких-либо существенных изменений, и потому при взгляде назад моя жизнь не кажется мне пестрой и разнообразной, а напротив — изначально настроенной на один основной тон и устремленной к одной-единственной звезде. Как бы ни жил я в остальном — хорошо или плохо, — моя внутренняя жизнь оставалась неизменной. Я мог подолгу носиться по чужим волнам, не прикасаться ни к нотной тетради, ни к инструменту, но какая-нибудь мелодия всечасно жила у меня в крови или на губах, такт и ритм — в моем дыхании и во всем моем существе. Сколь жадно ни искал я на многих других путях спасения, забвения и освобождения, как ни томился жаждою Бога, познания и мира, я неизменно находил все это только в музыке. Не обязательно, чтобы это был Бетховен или Бах, — то, что в мире вообще есть музыка, что человек временами может быть до глубины души взволнован какими-то ритмами или переполнен гармоническими созвучиями, — это всегда снова и снова означало для меня глубокое утешение и оправдание всей жизни. О музыка!

Тебе западает в душу мелодия, ты поешь ее без голоса, про себя, пропитываешь ею все твое существо, она завладевает всеми твои-

ми силами и движениями, и на те мгновения, пока она в тебе живет, она изглаживает из тебя все случайное, злое, грубое, печальное, заставляет мир ей вторить, облегчает тяжелое, а неподвижное окрыляет! Вот на что способна даже мелодия народной песни! А что говорить о гармонии! Уже всякое ласкающее слух созвучие чисто настроенных тонов, например колокольный звон, полнит душу отрадой и удовольствием, оно расширяется с каждым новым звуком и порой может воспламенить сердце и заставить его трепетать от восторга, которого не даст никакое другое наслаждение.

Из всех представлений о чистом блаженстве, какие создали себе в мечтах народы и поэты, наивысшим и наиглубочайшим мне всегда казалось счастье подслушать гармонию сфер. Вокруг этого витали мои самые заветные и самые золотые мечтания — на какую-то долю секунды услышать мироздание и целостность жизни в их тайной, природной гармонии. Ах! Но как же тогда жизнь может быть такой беспорядочной, разлаженной и лживой, как только могут существовать среди людей ложь, злоба, зависть и ненависть, когда любая, даже самая нехитрая песенка, даже самая неприятельная музыка так внятно поучает, что чистота, гармония и братски-дружная игра чи-

стых тонов отворяют врата рая! И как же это я сам смею ругаться и злиться, когда я тоже, при всем желании, не сумел претворить свою жизнь в песню и чистую музыку! В глубине души я, правда, чувствую немолчный голос совести, неутолимую жажду прозрачного, сладостного, самоупоенного звучания, то возникающего, то затихающего, однако мои дни полны случайностей и диссонансов, и куда бы я ни обратился, в какую бы дверь ни постучался, я никогда не слышу чистого и ясного отзвука.

Но хватит об этом, я намерен рассказывать. Когда я сейчас задумываюсь над тем, для кого исписываю эти листы, кто, в сущности, имеет надо мной такую власть, что может потребовать от меня признаний и нарушить мое одиночество, то я должен назвать одно дорогое мне женское имя, которое не только осеняет большой отрезок моей судьбы и пережитого мною, но вправе также стоять надо всем, как звезда и высший символ.

Глава 2

Только в последние школьные годы, когда все мои товарищи стали говорить о своих будущих профессиях, я тоже начал об этом по-

думывать. Сделать музыку делом своей жизни и источником существования — от такой мысли я, в сущности, был далек, однако представить себе какую-нибудь другую профессию, которая доставляла бы мне радость, я не мог. У меня не было отвращения к торговле или другим занятиям, какие предлагал мне отец; просто они были мне безразличны. Но коль скоро мои товарищи так гордились избранными профессиями, да и во мне, наверное, тоже какой-то голос говорил в пользу такого выбора, мне показалось все же правильным и разумным сделать моей специальностью занятие, которое и без того заполняло мои мысли и единственно доставляло мне настоящую радость. Пришлось очень кстати, что с двенадцати лет я начал играть на скрипке и благодаря хорошему учителю кое-чему научился.

Как сильно ни противился мой отец, как ни страшился того, что его сын избрет ненадежное поприще художника, его сопротивление только укрепляло мою решимость, а учитель, благоволивший ко мне, отстаивал мой выбор, насколько у него хватало сил. Под конец отец уступил, однако для проверки моего постоянства и в надежде, что я все-таки изменю свои намерения, мне назначили еще один год учения в школе, который я высидел с до-

статочным терпением и к концу которого стал только увереннее в своем решении.

В течение этого последнего школьного года я впервые влюбился в одну хорошенькую барышню из круга наших знакомых. Хоть я не так уж часто ее видел и не так уж сильно этого желал, я будто во сне испытывал радость и страдание от сладостных волнений первой любви. И вот в это время, когда я целыми днями столько же думал о моей музыке, сколько о моей любви, а ночами не мог спать от восхитительного возбуждения, я впервые осознанно удержал в памяти мелодии, зазвучавшие во мне, две небольшие песни, и попытался их записать. Это наполнило меня стыдливой, но проникновенной радостью, заставив почти совсем забыть мои наигранные любовные страдания. Между тем я узнал, что моя любимая берет уроки пения, и мне очень захотелось услышать, как она поет. Мое желание исполнилось спустя несколько месяцев, на званом вечере в доме моих родителей. Хорошенькую девушку настойчиво упрашивали спеть, она стойко сопротивлялась, но под конец все же сдалась, — я ужасно нервничал в ожидании. Некий господин взялся аккомпанировать ей на нашем маленьком пианино, он проиграл несколько тактов, и она запела. Ах, пела она

плохо, удручающе плохо, и за то время, что она пела, мое потрясение и мука успели смениться состраданием, а потом — насмешкой, и вскоре от этой влюбленности у меня и следа не осталось.

Я был спокойным и не то чтобы ленивым, но и не прилежным учеником, а в последний год и вовсе перестал стараться. В этом была повинна не моя лень и даже не влюбленность, а состояние юношеской мечтательности и равнодушия, притупление чувств и ума, которое лишь изредка внезапно и резко прерывалось, когда в один из дивных часов ранней творческой радости меня словно обволакивал эфир. Тогда я чувствовал себя погруженным в сверхпрозрачный, хрустальный воздух, в котором грезы и прозябание невозможны, где все чувства обострены и неустанно настороже. То, что родилось в эти часы, — это, быть может, с десяток мелодий и какие-то начатки гармонических построений; однако воздуха этих часов я никогда не забуду, сверхпрозрачного, почти холодного воздуха и напряженной сосредоточенности мыслей, дабы придать мелодии верное, единственно возможное и уже не случайное развитие и разрешение.

Доволен я этими маленькими успехами не был и никогда не считал их чем-то значитель-

ным и стоящим, но мне стало ясно, что в моей жизни не будет ничего столь желанного и важного, как повторение таких часов прозрачности и творчества.

При этом я знал и дни мечтаний, когда я фантазировал на скрипке и упивался восторгом мимолетных наитий и колоритных настроений. Только вскоре я понял, что это было не творчество, а игра и баловство, которого я должен остерегаться. Я заметил, что предаваться своим мечтам и наслаждаться часами упоения — это совсем не то, что беспощадно и сознательно, как с врагами, сражаться с тайнами формы. И мне уже тогда приоткрылось, что настоящее творчество делает одиноким и требует от нас, чтобы мы в чем-то лишали себя житейских удовольствий.

Наконец школа осталась позади, я был свободен и, попрощавшись с родителями, начал новую жизнь как студент консерватории в столице. Я сделал этот шаг, полный больших ожиданий, и был убежден, что в музыкальной школе буду хорошим учеником. Но, к моему великому сожалению, получилось иначе. Мне стоило усилий успевать по всем предметам, уроки игры на фортепиано, которые я теперь должен был брать, я воспринимал как великую пытку, и вскоре все мои учебные за-

нения предстали передо мной как неодолимая гора. Пусть я и не намерен был сдаваться, но я был разочарован и растерян. Я понял теперь, что при всей моей скромности все-таки считал себя чем-то вроде гения, и существенно недооценил усилия и трудности на пути к искусству. К тому же охота к сочинению музыки была у меня основательно отбита, ибо теперь, что бы мне ни задали, я видел перед собой лишь горы препятствий и правил, научился совершенно не доверять своему чувству и уже не знал, есть ли во мне вообще хоть искра собственной силы. И я смирился, стал незаметным и печальным, работу свою выполнял почти так же, как делал бы ее в какой-нибудь конторе или в другой школе, — прилежно и безрадостно. Жаловаться я не смел, меньше всего в письмах домой, а в молчаливом разочаровании шел дальше по избранному пути и поставил себе целью сделаться по крайней мере приличным скрипачом. Я усиленно занимался, глотал грубости и насмешки преподавателей, видел, как многие другие, кого я не считал бы на это способным, легко продвигаются вперед, снискивая похвалы, и довольствовался все меньшим, поскольку и с игрой на скрипке дело обстояло совсем не так, чтобы я мог этим гордиться и, скажем, возмечтал бы стать вир-

туозом. По всему выходило, что из меня при должном прилежании может получиться дельный ремесленник, который в каком-нибудь маленьком оркестре будет скромно, без стыда и славы, играть на своей скрипке и тем зарабатывать себе на хлеб.

Так это время, о котором я столько мечтал и от которого ожидал столь многого, стало единственным периодом моей жизни, когда я, покинутый духом музыки, шел безрадостным путем и жил изо дня в день без истинной гармонии. Там, где я искал улады, возвышения, блеска и красоты, я находил только требования, правила, обязанности, затруднения и опасности. Если в голову мне приходила какая-нибудь музыкальная идея, то она оказывалась или банальной и уже стократ осуществленной, или находилась в явном противоречии со всеми законами искусства, а значит, ничего не стоила.

И тогда я запрятал подальше все свои высокие помыслы и надежды. Я был один из тысяч тех, кто с юношеской дерзостью приходит в искусство и чьи силы иссякают, едва лишь дело примет серьезный оборот.

Такое состояние длилось около трех лет. Мне было уже за двадцать, я, очевидно, ошибся в выборе профессии и двигался дальше по

избранному пути только из стыда и чувства долга. О музыке я и думать забыл, знал только упражнения для пальцев, трудные задания, противоречия в учении о гармонии, угнетающие уроки по классу фортепиано у насмешливого учителя, который все мои усилия считал лишь пустой тратой времени.

Если бы в тайниках моей души не жил еще прежний идеал, то в те годы я не знал бы горя. Я был свободен, имел друзей, был красивым и цветущим молодым человеком, сыном состоятельных родителей. Временами я всем этим пользовался, у меня случались дни веселья — флирт, пирушки, поездки на каникулы. Но я не мог этим утешиться, не мог, побыстрее отработав свой урок, вволю наслаждаться своей молодостью. Я не отдавал себе в этом отчета, но в часы слабости во мне все еще давала себя знать тоска по закатившейся звезде артистического призвания, я был не в силах забыть свои обманутые надежды и одурманивать себя. Только однажды мне это вполне удалось.

Это был самый безрассудный день моей безрассудной юности. Я бегал тогда за одной ученицей знаменитого учителя пения Г. С нею, казалось, происходило то же, что со мной, она приехала, полная больших надежд, встретила строгих учителей, к работе была не-

привычна и под конец даже стала думать, что теряет голос. Пошла по пути наименьшего сопротивления, флиртowała с нами, своими соучениками, знала, как всем нам вскружить голову, для чего, по правде говоря, многого и не требовалось. Природа наделила ее огненной, живой и яркой красотой, которая быстро увядает.

Эта красотка Лидди всякий раз, когда я ее видел, снова покорила меня своим наивным кокетством. Я никогда не бывал влюблен в нее подолгу, часто совсем забывал о ней, но в ее присутствии влюбленность захлестывала меня снова. Она играла со мной так же, как с другими, дразнила нас, наслаждалась своей властью, вкладывая в эту игру лишь чувственное любопытство юности. Лидди была очень хороша собой, но только когда говорила и была в движении, когда смеялась своим теплым, низким голосом, когда танцевала или забавлялась ревностью своих поклонников. Стоило мне вернуться домой с какого-нибудь сборища, где я ее видел, я сам себя высмеивал, доказывая себе, что человек моего склада не может по-настоящему любить эту ловкую кокетку. Однако через какое-то время ей снова удавалось каким-нибудь жестом или вполголоса произнесенным словом так возбудить меня,